

Покоя не будет

В № 5 «Новаго Града» была напечатана моя статья «Хозяйственный строй будущей Россіи». Содержаніе ея слѣдующее. В Россіи происходит громадный хозяйственный переворот. Старое капиталистическое хозяйство снесено начисто. Носители его уничтожены. Все хозяйство страны коллективизировано и этатизировано, как во времена фараонов. Все оно ведется по плану и из одного центра — свободной хозяйственной стихіи не оставлено и малаго уголка. И, вмѣстѣ с тѣм, — цѣною немовѣрных страданій народа, на крови и костях русских людей — произведен громадный техническій переворот. В земледѣліи уничтожены миллионы межей и земля сбита в хозяйственные блоки, с новыми сѣвооборотами, с парками с.-х. орудій и тракторов. В промышленности созданы новыя отрасли производства, открыты новыя залежи, выстроены «Днѣлпрострои» и гигантскіе заводы. Городское населеніе охватило почти треть жителей страны, и миллионы крестьян превратились в городских рабочих. Россія становится индустриальным государством и быстро приближается к тому хозяйственному типу, который представляют собой С.Ш. Сѣверной Америки. Таково хозяйственное наследіе, которое получит будущая Россія на другой день послѣ паденія большевицкой власти. Как этим наследіем она должна распорядиться? Если бы совѣтское хозяйство было только продуктом больного творчества отвлеченных фанатиков, если бы остальной мір продолжал хозяйствовать в старых формах капиталистическаго строя, если бы хозяйственная свобода по-прежнему вдохновляла людей на строительство, самое простое и разумное для Россіи было бы вернуться на старые пути: денационализировать землю и промышленныя предприятия, передать хозяйство в частныя руки, дать простор игрѣ хозяйственных сил. Стихія хозяйственной свободы скорѣе всего другого залѣчила бы раны, нанесенныя Россіи большевицким безуміем. Но, в дѣйствительности, дѣло обстоит не так.

Совѣтское хозяйство не просто плод большого творчества фанатиков — несмотря на свою дикость и крайности, оно строится на путях, по которым движется хозяйство всего мира. Все мировое хозяйство переживает громадный переворот. Капиталистическая система хозяйствования выродилась и разложилась. Стихия хозяйственной свободы больше не «несет». Капиталистический строй — предмет ненависти всего молодого поколения. Мировое хозяйство перестраивается на новых основах — плана и управления; коллективные и государственные формы хозяйствования занимают свое место наряду с индивидуальными. Мир переживает грандиозную хозяйственную революцию — стоит на пороге новой хозяйственной эры. При этих условиях предполагать возможность возвращения России на старые хозяйственные пути — нелепость. Капиталистическая реставрация России не дана — для этого она не найдет ни капиталов, ни кадров. Попытка такой реставрации грозит новой хозяйственной катастрофой. Капитализм в одной стране так же невозможен, как и социализм. Отсюда хозяйственная программа будущей России — «50-лѣтка» Нового Града. Послѣбольшевицкое государство раскрѣпостит русское народное хозяйство и труд — возстановит рынок и собственность, даст свободу торговли, ремесла и промышленного предпринимательства. Но все это в рамках охватывающего народное хозяйство плана и под твердым своим руководством. И оно сохранит за собой основные отрасли крупной промышленности, оптовую торговлю и верховное право на землю. Словом, послѣбольшевицкое хозяйство не будет совѣтски-крѣпостным, но и не станет свободно-капиталистическим. Это будет плановое хозяйство с преобладающим государственным и общественным сектором. В какой-то исторической перспективе оно сойдется с мировым хозяйством на путях хозяйственной демократии. — Таковы основные положения моей статьи.

На эти положения представил свои возражения П. Михайлов в статье «Размышления у врат Нового Града», напечатанной в № 6 нашего журнала. Возражения его сводятся к слѣдующему. Мое предвидѣние хозяйственного строя будущей России было бы правильным при одном условии: если бы, послѣ падения большевицкой власти, сразу же наступило полное от-

резвление народа, готовность его приступить к восстановленію государства по самому раціональному плану. Но этого не дано. Я не предвидѣлъ психическаго явленія, которое можно возвести на степень историческаго закона. У общества нѣтъ собственной ритмики развитія. Но общество состоит из людей. Человѣческая же природа неизмѣнна. Жизнь людей подчинена своей особой ритмикѣ — ритмикѣ «подъемов» и «депрессій». Революція и есть такой психическій «подъем» масс. И русская революція в значительной степени была обусловлена накопившимся в военное время нервным подъемом народа. Но никакой подъем не может длиться бесконечно. В какой-то момент подъем смѣняется «депрессіей». Депрессія выражается: в усталости от революціоннаго «строительства», в нежеланіи чего-то добиваться, куда-то и к чему-то стремиться, за что бы то ни было бороться. Період депрессии и есть період послѣреволюціонной реакціи. Послѣреволюціонный режим — режим передышки, санаторнаго лѣченія, побѣды «обывательщины» над гражданственностью и государственностью, торжества индивидуальнаго начала над началом коллективности. Everyman хочет, чтобы его оставили в покоѣ, никуда не звали, не тащили, и никакой новой общественной нагрузки на него не наваливали. Такой же будет послѣреволюціонная реакція и в Россіи. Это будет эпоха усталости и жажды покоя. Ни о каком строительстве Новаго Града русскій народ не захочет и думать. Русская революція была коллективистична и строила жизнь по «плану». Реакція выразится в недовѣрїи ко всяким «планам», к коллективным отношеніям, к всему, что предполагает подчиненіе общественному руководительству. Обывательскій либерализм и индивидуализм будут торжествовать по всей линіи. В силу психических законов, управляющих душевной жизнью людей, русское восстановление будет происходить анархично, вразброд, ощупью, образуя то, что зовется «періодами первоначальнаго накопленія». Ибо для русских людей, переживших большевицкую тиранию, минимальная гарантія личной неприкосновенности и свободы личной инициативы в хозяйствованіи будет единственно желанным и жизненно-необходимым. Адам Смит и Іеремія Бентам, отжившіе на Западѣ, как раз придутся по вкусу пореволюціоннаго русскаго «новаго человѣка» и будут его идеологами.

— Что же будет с эмигрантскими пореволюціонными теченіями и идеологами «Новаго Града»? То же, что стало с пореволюціонными идеологами Франціи (Сен-Симон, Фурье, О. Конт): они составили не «Орден», а небольшую и по началу весьма мало вліятельную секту, оплодотворившую впоследствіи французскую политическую мысль XIX вѣка. Так же будет и с русскими пореволюціонными теченіями: они планируют Новый Град, рисуемый им чѣм-то вродѣ Чикаго или Нью-Йорка, — и скажут спасибо, если им будет позволено спастись в захолустном скиту. На худой конец — и это ничего. Рано или поздно жизнь проложит к скиту тропинку. — Таковы основныя возраженія П. Михайлова.

Кто из нас прав? — Этот вопрос не заслуживал бы обсуждения, если бы дѣло шло о научном историческом анализѣ: историческое предвидѣніе наиболѣе спорная дисциплина в наукѣ. Но дѣло идет не о теоретическом анализѣ. И «Новый Град» — не научный журнал. «Новый Град» — лабораторія общественнаго творчества, чертежная архитектора, в которой вырабатываются планы и проекты новаго общественнаго строя. Работа в этих условіях, без интуиціи эпохи, без прозрѣнія будущаго, так же бесплодна, как чертеж зданія, без указанія, гдѣ оно будет строиться и из каких матеріалов. Нелѣпо чертить план величественнаго «Града» для людей, требующих покоя и санаторнаго лѣченія. Но так же нелѣпо укрываться в захолустном скиту перед поколѣніем, полным энергіи, вѣры в свои творческія силы и жаждущим «передѣлать міръ».

Почему П. Михайлов думает, что в человѣческой исторіи эпохи подъема смѣняются эпохами депрессіи, революціи — реакціями? Вѣдь, он знает, что никаких «исторических законов» не существует, что у общества нѣтъ собственной ритмики разных людей, из которых и слагается общество? Но, если она существует, она дѣйствует в предѣлах одного и того же поколѣнія и не распространяется на другія. Россійскую революцію сдѣлали люди, родившіеся в послѣднія десятилѣтія XIX вѣка. Многое указывает, что они устали и хотят покоя. Потому в их средѣ так и развиты «реакціонныя» настроенія. Но в настоящее время в Россіи живут 100 милліонов людей, родившихся

послѣ 1905 года. Они революціи не дѣлали и даже не пережили ея сознательно. Можно быть какого угодно мнѣнія о современной русской молодежи, но одно несомнѣнно: она крѣпка и упорна — полна энергіи и бодрости. И, однако, именно она опредѣляет жизнь современной Россіи. И тоже можно сказать о молодежи других стран — Германіи, Италіи, а в послѣднее время, пожалуй, и всей Европы. Поколѣніе, пережившее «подъем» Великой войны, устало и сходит со сцены. Историческую авансцену занимает новое поколѣніе не участвовавшее в войнѣ и снова рвущееся к подвигу и дракѣ. Ясно, что ритмика жизни отдѣльных людей далеко не опредѣляет ритмики развитія всего общества. Да и существует ли она вообще? Развѣ мы не знаем эпох, когда цѣлыя поколѣнія жили в «подъемѣ» — эпох великих переселеній, арабских завоеваній, Ренессанса? И, с другой стороны, развѣ мы не знаем народов, которые вѣками жили в «депрессіи»? Не является ли вся эта ритмика подъемов и упадков, революцій и реакцій простым описаніем однократнаго историческаго событія, опредѣлившаго и подавившаго наше современное историческое сознаніе: «подъема» Великой Французской Революціи и наступившей за ним «депрессіи» эпохи реакціи?

Но допустим, что П. Михайлов прав, что в человѣческой исторіи эпохи подъема смѣняются эпохами депрессіи, революціи — реакціями. Каков темп этой исторической ритмики? Какова длина «кривой», описывающей историческій цикл подъема и упадка? Попробуем опредѣлить их на примѣрѣ вышеуказаннаго цикла — Великой Французской Революціи и смѣнившей его реакціи. Что такое «Великая» Французская Революція, в свѣтѣ современных событій? — Вулканическій взрыв мѣстнаго характера — небольшой глубины и ничтожнаго района дѣйствія. Он смѣнил одну правящую верхушку другой, не нарушив пирамидальнаго строенія общества и почти не затронув имущественных отношеній между классами: перемѣщеніе земельной собственности из рук в руки было незначительно по размѣрам и коснулось только нѣскольких сот тысяч владѣльцев. И еще болѣе ничтожен был район дѣйствія этого взрыва. Он захватил только одну «часть» земнаго шара — географически, маленькій западный полуостров великаго Сѣвернаго ма-

терика — и в этой части одну европейскую провинцию — Францию с ее окраинами. Остальные провинции, если и реагировали на революционный взрыв, то обратным действием — «реакционно». По существу, исторический «цикл» Французской Революции и наступившей за ней реакции надо рассматривать не как смену одной эпохи «подъема» другой — «упадка», а как борьбу революционной Франции с остальной реакционной Европой. Реакционная Европа победила. Французская революция была удушена. Не будь это так, ритмика развития французской нации в эту эпоху могла быть иной: революционный хаос сменился бы революционной диктатурой, революционная диктатура — буржуазной республикой, т. е. тем строем, к которому революция и шла. Ни «депрессии», ни «реакции» могло и не быть. И, тем не менее, несмотря на далеко не имманентную ритмику развития революционных событий Франции, кривая подъема Великой революции охватила целую четверть века — от 1789 г. до 1814 г. Реакция эпохи Директории была поверхностна и не коснулась народных масс. «Удовлетворенные» хотели порядка и закрепления «завоеваний», но не допускали и мысли о возвращении назад. Победные марши Наполеона еще пытались революционным пафосом «сынов отечества». И только свержение Наполеона Европой положило конец национальному возбуждению Франции. — Такова длина «кривой» подъема малой французской революции.

Что такое Великая Российская Революция 17-го года? — Вулканический взрыв грандиозной силы и мирового района действия. Он снес все правящие слои нации, разрушил до основания пирамидальное строение русского общества и перевернул имущественные отношения десятков миллионов людей. Человеческая история, на всем своем протяжении, не знала переворота такой глубины и размаха. И еще грандиознее район его действия. Он захватил шестую часть земного шара и быстро распространяется на весь мир. Российская революция — начало м и р о в о й . Не видят этого значит не видят определяющего явления современности. Случилось это так.

Европейская цивилизация до эпохи Возрождения — цивилизация «материковая». Она замкнута в рамки западно-европейского полуострова и за его пределы не выходит. С эпохой «Ве-

ликих открытій» она разливается по всему міру. Но первые три вѣка ея распространеніе «точечное». «Точки» западной культуры — поселенческія колоніи, торговыя факторіи, военныя укрѣпленія — разсыпались по всѣм частям свѣта, лишь медленно и постепенно расплываясь по вновь открытым материкам и почти не оказывая вліянія на туземные народы. И только в XIX вѣкѣ европейская цивилизація покрывает весь земной шар. Какія идеи несет она с собою в мір? Тѣ же, которыя господствовали и в Европѣ XIX вѣка — идеи Французской революціи. Французская революція, по глубинѣ соціального взрыва и по району дѣйствія, — революція малая и мѣстная. Но, по глубинѣ идейнаго переворота, произведеннаго ею в сознаниіи человѣчества, во-истину, Великая и міровая. В сознаниіи европейских людей дореволюціонной эпохи, мір устойчив и недвижим. В нем ничего не происходит и не мѣняется. Много вѣков назад, когда исполнились сроки, на землю пришел Спаситель. С тѣх пор исторія завершена. Теперь мір ждет своего конца и послѣдняго Суда. Это средневѣковое европейское міросозерцаніе было поколеблено вѣками Ренессанса и Просвѣщенія. В эту эпоху земля ожила. Про вѣк Возрожденія Гуттен писал: «Души пробуждаются — хочется жить». Ни, земной мір не неподвижен. Он движется неустанно и все в одном направленіи — вперед. Человѣческій разум покоряет природу и преображает общественную жизнь людей на новых началах — свободы и справедливости. Цѣль движенія вперед — человѣческое счастье на землѣ. Таково новое европейское міросозерцаніе. Но в теченіе долгаго времени это было идейное міросозерцаніе элиты. И лишь Французская революція сгустила его в религіозную вѣру, и сдѣлала достояніем масс. Впечатлѣніе, произведенное Французской революціей на современников и на европейцев XIX вѣка было громадно. Впервые в міровой исторіи великій народ взял на себя отвѣтственность за свою судьбу и стал перестраивать свою жизнь заново и на чисто разумных основаніях. Пусть эта перестройка непосредственно окончилась неудачей. В сознаниіи европейских людей родилась новая вѣра — вѣра в прогресс, в человѣческое счастье на землѣ, в возможность устроения жизни народов по разумному плану. В началѣ XIX вѣка русская крѣпостная кре-

стьянка сказала про своих господ, воспитанных по европейски: «Да они не нашей, они Вольтеровой вѣры». И, дѣйствительно, это была подлинно религіозная вѣра, со своей мистикой и аскетикой, со своими мучениками и пророками. Эта «Вольтерова вѣра» — вѣра Французской революціи — в нѣсколько десятилѣтій захватила всю Европу и перестроила ее наново: освободила націи, передала власть из рук царей в руки народов и создала грандіозный расцвѣт матеріальной культуры. Перекинувшись в Россію, она зажгла революціонным пламенем орден русской интеллигенціи и разрушила величайшую Имперію міра. Теперь, обойдя весь круг земель, она бушует на Востокѣ. Так европейская цивилизація, покориw мір, передала ему свое послѣднее вѣроученіе. «Вольтерова» вѣра стала міровой. Правда, за полтора вѣка странствованій, она пережила реформацію и густо окрасилась в красные — соціальные цвѣта. Но, по существу своему, это все та же вѣра Французской революціи — вѣра в прогресс и человѣческое счастье на землѣ.

Какое дѣйствіе произвел взрыв Россійской революціи в этом насыщенном Вольтеровой вѣрой мірѣ? Дѣйствіе грандіознаго разряда. Россійская революція не создала новых идей: ея идеи — идеи Европы XIX вѣка, доведенныя до крайности и потому искаженныя. Но она сдѣлала большее, — во всяком случаѣ, то, что больше поражает воображеніе людей: она претворила идеи в жизнь. Пусть это претвореніе кончается неудачей, пусть оно стоит милліонов жертв. Человѣчество этого не замѣчает. Оно видит в Россійской революціи то, к чему неудержимо влекла его собственная вѣра: героическую попытку построения новой жизни, грандіозный опыт осуществленія счастья на землѣ. Вот почему мір находится в таком волненіи. Вот почему революціонная Россія стала центром мірового революціоннаго землетрясенія.

Особенное впечатлѣніе произвела Россійская революція на Востокѣ, гдѣ живет большая половина человѣчества. Вольтерова вѣра проникла в сознаніе восточных людей не так глубоко, как в сознаніе европейцев. Но зато проникнув, произвела в нем дѣйствіе духовнаго динамита. В дореволюціонном сознаніи Востока мір не только устойчив и неподвижен, как в средневѣковом сознаніи Запада, — он и не цѣнен сам по себѣ и не

заслуживает подлинно-духовного внимания людей. Европейская цивилизация, даже средневековая, обращена к постороннему, временному, земному. Свою энергию она направляет на формирование «явлений». Европейцы — по выражению Кайзерлинга — «Божьи руки»: соучаствуют в творении мира Богом. Восток обращен к потустороннему «сущему», вѣчному — к «явлениям» он глубоко равнодушен. Отсюда пассивность восточных людей в жизни и их небрежение земными дѣлами. Вольтерова вѣра произвела в этом традиционном сознании Востока глубокую перемену. Мир не только ожил и задвигался — он стал цѣнным для людей, если не сам по себѣ, то как путь и орудіе достижения цѣнностей вѣчных. Характерен в этом отношении величайший вождь современной Азии — Ганди. Ганди не порвал с традиционным восточным мирозерцанием. Он мистик и аскет, его цѣль — Истина и личное спасение в ней. Но путь к этой вѣчной цѣли — политическая борьба за освобождение Индии. «Чтобы увидѣть в лицо... Истину, — пишет он в своей автобиографіи, — надо умѣть любить самую малую сотворенную вещь, как самого себя. Человек, который хочет достигнуть такого состоянія, не может держаться внѣ жизни. Вот почему моя преданность Истинѣ привела меня к политикѣ... Тѣ, кто утверждают, что религія и политика не имѣют ничего общаго, не понимают смысла религіи». И еще в письмѣ от 1924 года: «Я только смиренный искатель Истины, нетерпѣливо стремящійся к духовному освобожденію еще в этой жизни. Мое національное дѣло — только часть того опыта, который я предпринял, чтобы освободить мою душу от рабства плоти. У меня нѣтъ никакого влеченія к преходящему земному царству. Я борюсь за царство небесное... Потому патриотизм для меня только этап в моем путешествіи к вѣчной землѣ свободы и мира». Так, на путях к Небу, борется Ганди за освобождение своей родины. Satyâgraha и Ahimsâ (не насилие) — не только орудія политической борьбы, они и орудія личного спасенія. Отсюда громадная сила революціоннаго дѣйствія Ганди. Отсюда неизмѣримость его вліянія на народные массы Востока. Рычагом вѣчности он переворачивает земныя глыбы.

В этом перевороченном Востокѣ, впечатлѣніе, произведенное Россійской революціей, было громадно. Ленин был перво-

классным революционным стратегом. Он понял, что пробужденная европейской революционной вѣрой Азія — болѣе подходящее поле для взрыва, чѣм пережившая сто лѣт революцій Европа. Идя к революціи міровой, он начал ее с Востока. «Вернемся к Азіи, — писал он, — мы возьмем Запад через Восток». И, дѣйствительно, эта революціонная стратегія дала блестящіе результаты: вся Азія в огнѣ. Противники совѣтской власти с удивленіем говорят об «удачливости» ея міровой политики. «Мір глуп — большевикам везет». Но это не так. Трудно представить себѣ болѣе количество ошибок и преступлений, чѣм то, ктоорое совершили большики в сношеніи с окружающим міром. Но они идут в линіи міровой исторіи. Отсюда их «удачи». — Три идеи Россійской революціи болше всего поражают воображеніе восточных народов: освобожденіе угнетенных націй Азіи от господства Европы; освобожденіе бѣдных от власти богатых; покореніе природы техникой, от чего жизнь трудящихся станет болѣе легкой и счастливой. В особенности, велико вліяніе первой идеи. По существу своему, азіатскія революціи — національныя. Один из Трех Принципов Народа («Сань-мин») китайской революціи — принцип націи («минцзу»). Послѣднія слова умирающаго Сун-Ят-Сена были: «Любите родину», «Работайте на ея спасеніе». ¹⁾ На допросах индо-китайских революціонеров европейскими властями, они отвѣчают с фанатической вѣрой: «Я хочу спасти мою страну», «Я хочу пролить свою кровь за мою родину». И так же далеки от большевизма двѣ другія идеи, поразившія Восток — социальной справедливости и покоренія природы техникой. Всѣ онѣ рождены Европой. Но на Восток онѣ идут из Россіи. Центр революціонной Азіи — Москва. — Но не только идеи Россійской революціи, но и люди привлекают сердца восточных народов. Помимо культа ея вождей, самый тип восточнаго революціонера взят из Россіи. Европейских наблюдателей поражает сходство — даже внѣшнее — азіатских революціонеров с русскими. И это неудивительно. Громадное большинство восточных революціонеров интеллигенты — учащаяся молодежь. Г. миндан, управляющій революціонным Ки-

¹⁾ Л. В. Арнольдov. Китай, как он есть. Шанхай, 1933.

таем, — «Орден китайской интеллигенции». Многие из этих интеллигентов побывали в России и прошли ее революционные школы. Все исторические типы, даже революционеров, строящих новую жизнь, создаются по каким-нибудь старым, уже готовым образцам. Восточные революционеры берут свои образцы там, где свѣтит «солнце мировой революции». Так орден русской интеллигенции, одержав победу над великой Империей, через своих «блудных сынов» распространяет свое влияние на весь азиатский материк.

Еще удивительное влияние, которое оказала Россійская революция на Европу. Всего два десятилетия назад, Западная Европа казалась спокойной и в устойчивом равновѣсїи. Вольтерова вѣра, распространившаяся к этому времени на весь мир, еще продолжала завоевывать нетронутые низы европейскаго общества. Но на верхах ее обаяние падало. Ничто не предвѣщало перемен и революционных бурь. Даже крайнія партїи откладывали социальный переворот на дальніе сроки. Теперь вся Европа, так же как Азія, — в огнѣ. И даже старую, утомленную Францію бьет революционная лихорадка. Почему? Мировая война, несомнѣнно, нанесла удар душевному спокойствію европейцев. Порядок, допустившій такую бойню, перестал внушать довѣріе. Еще больше поколебал довѣріе мировой хозяйственный кризис. Тысячелѣтія человечество жило с сознанием, что оно несет на себѣ Божіе проклятіе: в потѣ лица своего должно оно ѣсть хлѣб свой. Потому так покорно несло оно и свою судьбу. Недостатки общественнаго строя могли увеличивать тяжесть жизни, но не они были ее причиной. Мировой кризис принес с собою благую вѣсть: Божье проклятіе с человечества снято. Человѣчество не должно в потѣ лица своего ѣсть хлѣб свой — хлѣба столько, что его жгут, топят и не знают, что с ним дѣлать. Отчего же тяжесть жизни не исчезла, а стала еще непереноснѣе? Народному довѣрію к европейскому строю мировой кризис нанес смертельный удар. Все это так. И тѣм не менѣе ни война, ни кризис европейской революционной бури объяснить не могут. Общественный строй Европы так крепок и добротен, что еще долгіе годы мог бы существовать и при поколебленном довѣрїи ее народов. Нельзя объяснить европейскую революционную бурю и рождением новой вѣры. Двѣ

идеи захватили современное сознание европейцев: идея организованного хозяйства, где каждый будет иметь труд и пропитание; и идея сильной власти, которая будет руководить этим хозяйством и сохранять порядок в обществе. Однако, обе эти идеи сами по себе революционного возбуждения вызвать не могут. Другия идеи — расы, нации, государства — явно случайны и преходящи. Не там, где нет революции идей, там не может быть и внутреннего революционного взрыва. Причины европейской революционной бури надо искать в ином. 150 лет Европа жила Вольтеровой верой — в прогресс, движение вперед, неустанное обновление жизни. Все, что ново — хорошо; что старо плохо. Все, что движется, имеет право на опытное поле; все, что стоит на месте, должно уйти. Пока остальной мир был недвижим, Европа ограничивалась местными революциями и неустанным реформированием жизни — за сто лет она переменяла в своем быту столько, сколько раньше не меняла в тысячелетия. Но вот раздался взрыв Российской революции. Ему откликнулась Азия. Громадное волнение охватило мир. Волны психической энергии расходятся так же незаметно, как волны энергии физической. Зато они поражают еще с большей силой и неотвратимостью. Наклоненная вперед Европа была увлечена мировым вихрем с необычайной быстротой и легкостью. Не недостатки прошлого и не идеалы будущего увлекли ее. Ее увлекли сила вихря и отсутствие сопротивляемости.

Чего хочет современная Европа? Революция — разрушения старого, построения нового. Новый строй, новый порядок, новое «третье» царство — в этом ее пафос. В чем будет это новое, она еще хорошо не знает. Муссолини поднял фашистское движение, произвел революционный переворот, захватил власть и потом стал думать, что строить. Да это Европу и мало волнует. Важно другое: действие, движение, энергия, энтузиазм, вера. Современная Европа в руках своей молодежи, переживающей громадное напряжение и героический подъем. В одних странах она уже у власти, в других идет к ней неотвратимыми шагами. И замечательно: революционный вихрь захватил не только крайние левые партии: коммунистов, социалистов, радикалов. С еще большей силой увлек он течение «правых»: фашистов, национал-социалистов, неомонархистов. Слепы те,

кто думают, что это теченія «реакціонныя». Разумѣется, это «обратное дѣйствіе» на дѣйствіе коммунизма. Но что они ставят в вину коммунизму? Отнюдь не его революціонность. Революція для них так же свята, как и для коммунистов. «Во имя Бога и Италіи, клянусь... служить всѣми моими силами и, если это надо, моею кровью, дѣлу Фашистской Революціи» — пишут на своем знамени юные фашисты. Коммунистам ставится в вину другое: они дѣлают революцію не так, как надо. Революція должна быть не интернаціоналистической, а національной, не атеистической, а «христіанской», не коллективистической, а корпоративной — вот в чем вина коммунизма. И так же мало «реакціонны» характерны для этих теченій — как и для современных лѣвых — черты угашенія личности и свободы. Конечно, в этом угашеніи есть «реакція» против выродившагося индивидуализма XIX вѣка и против безплодности «буржуазной свободы». Но многое в этом явленіи объясняется иным: психологіей похода, гражданской войны, пафосом строительства, участія в «общем дѣлѣ». В одном из правительственных учреждений новой Германіи висит надпись: «Не приходят с личными дѣлами туда, гдѣ строится новое государство». Идеолог ея молодежи (Венн) пишет: «Там, гдѣ говорит Исторія, личность должна молчать». Гораздо характернѣе для этих теченій, так же, как для всей современной молодежи, другое: новое ощущеніе міра. Мір стал пластичен и податлив. Его можно мять, как глину. И лѣпить из него, по заданію, новый образ. Если можно повернуть теченіе Гольфстрема и перелить Средиземное море в Сахару, почему нельзя влить в новыя формы и все человѣчество?

Таково вліяніе Россійской революціи на Восток и на Запад, и на весь мір. Россійская революція вызвала міровую. Можно не соглашаться с таким пониманіем современных событій. Можно давать другое объясненіе. Что не Россійская революція — причина міровой. Что весь мір был готов к революціонному взрыву. Что «старый порядок» отжил свой вѣк и должен был уйти. Что Россійская революція — только первый удар начинавшагося мірового землетрясенія. Возможно и такое объясненіе. Но, во всяком случаѣ, безспорно одно: Россійская революція — начало міровой. Или еще точнѣе: то, что сейчас проис-

ходит, и есть мировая революція. Если мы ощущаем лишь отдѣльные ея удары, то это только потому, что наши воспріятія — и даже воображеніе! — очень ограничены. Мы не слышим мирового гула и с трудом вмѣщаем в наше сознание мировое цѣлое. Но в смыслѣ происходящаго сомнѣваться нельзя. — Мировая революція — что вполне вѣроятно — не всюду будет протекать одинаково. В одних странах она будет сопровождаться потоками крови, как в Россіи и Китаѣ. В других будет происходить с жестокостью, но культурно полированной, как в Германіи и Италиі. Будут даже страны, гдѣ она, может быть, совершится совсѣм мирно, как в Соединенных Штатах Америки и Индіи. Так же вѣроятно, что не всюду будут одинаковы и ея послѣдствія. Что в одних странах старый строй будет снесен до основанія; что в других новое общественное зданіе будет возводиться на старом фундаментѣ. И еще болѣе вѣроятно, что это новое зданіе будет в разных странах не одного стilia, хотя одной и той же «эпохи». Но, во всяком случаѣ, одно несомнѣнно: несмотря на свое многообразіе, по существу своему, революціонный процесс повсюду будет обозначать одно и то же — громадный подъем народной энергіи и переворот в строеніи общества невиданной в человѣческой исторіи глубины и силы. — Спрашивается, сколько времени будет длиться это мировое землетрясеніе? Как велика длина «кривой» подъема мировой революціи? Если малая Французская революція, ограниченная одной провинціей Европы, продолжалась четверть вѣка, сколько будет продолжаться революція Россійская, распространившаяся на весь мір? Не будем себя обманывать: это процесс вѣковой. Во всяком случаѣ, на наш — XX — вѣк его хватит. Возможно, что Россія, первая начавшая революцію, первая ее и кончит. Возможно, что, в силу исторической «ритмики» или в силу исторической «случайности», за революціей в Россіи послѣдует «реакція». Но это будет нескоро — через много десятилѣтій. Наша эпоха — революціонная. Россія не может выйти одна из «полюса» мировой революціонной энергіи. Россійскую революцію будет вести современная совѣтская власть. Или эта власть будет сметена новой «національной революціей». Но и в том и в другом случаѣ Россія еще долгіе годы будет находиться на линіи подъема и

народнаго напряженія. Хотим мы этого или не хотим, но для нашего поколѣнія отдыха не дано. Покоя не будет.

Отсюда отвѣтъ — поневоля краткій — на вопрос, раздѣляющій нас с П. Михайловым: о хозяйственном строѣ будущей Россіи. Будет ли хозяйственный строй послѣбольшевнической Россіи походить на «пятидесятилѣтку» Новаго Града, которую проектирую я, или на форму «первоначальнаго накопленія», которую предвидит П. Михайлов? Почему П. Михайлов думает, что хозяйственное возрожденіе послѣбольшевнической Россіи будет проходить «анархично, вразброд, ощупью», что в хозяйственной жизни, по всей линіи, будут торжествовать «индивидуализм и либерализм», что идеологами пореволюціоннаго русскаго «новаго человѣка» будут Адам Смит и Иеремія Бентам? Потому, что в Россіи послѣ революціи наступит «реакція» и потому что так было в эпоху «реставраціи» в Западной Европѣ? Допустим, что П. Михайлов прав — что в Россіи реакція будет. Но вот что при этом надо принять во вниманіе: в эпоху «реставраціи» в Западной Европѣ «реакція» совсѣм не распространилась на хозяйственную жизнь — в хозяйственной жизни не было ни «депрессіи», ни возвращенія назад на пройденныя ступени. Наоборот, эпоха реставраціи — эпоха «промышленной революціи» Франціи. Именно в эту эпоху промышленный переворот, начавшійся в Англии нѣсколько раньше, распространился на Францію и вызвал в ней эру хозяйственнаго расцвѣта. Характерно, что идеолог «пореволюціонных теченій» Франціи Сен-Симон был в то же время и идеологом «индустриализма». Его лозунг: «все через промышленность, все для нея». Из его школы вышли Фердинанд Лесепс, братья Перер и другіе выдающіеся промышленные дѣльцы и предприниматели. И это исторически понятно. Французская революція разбудила народную энергію и сняла препятствія с пути хозяйственнаго развитія. В період гражданских бурь и наполеоновских войн, эта энергія уходила в политическую борьбу и походы. Когда реставрація установила «порядок», народная энергія направилась в область, оставшуюся для нея открытой и, по существу, наиболѣе ей свойственную — хозяйственную жизнь — и создала хозяйственный подъем. Так было и в Россіи, в эпоху Стѣлыпинской реакціи, послѣ революціи 1905 г.

Так, по всей вѣроятности, будет и в Россіи послѣбольшевической. Иначе говоря: эпоха «реакціи» — не есть эпоха психической «депрессіи» народа, а «переключенія» пробудившейся народной энергіи из одной области — политической — в другую — хозяйственную. Если, при этом, в эпоху реставраціи во Франціи, хозяйственное возрожденіе проходило «анархично, вразброд, ощупью», и в хозяйственной жизни торжествовали принципы «индивидуализма и либерализма», то не в силу реакціи против государственнаго вмѣшательства и коллективизма Революціи, а, наоборот, потому, что эти формы и принципы хозяйствованія и выражали новую вѣру, рожденную Революціей — вѣру в свободу, личность, индивидуальную инициативу. Люди эпохи реставраціи — по крайней мѣрѣ, хозяйствующие, — так же, как и люди Революціи, вѣрили в «естественный порядок» хозяйственной жизни, в гармонію интересов, в благодѣтельность для человѣчества свободной игры экономических сил. Всякое вмѣшательство коллектива в эту игру казалось им смертельным. Государство должно оставить хозяйственную жизнь в покоѣ или, точнѣе, виѣшне охранять ее покой так, как охраняет ночной сторож покой дома. В хозяйственный дом оно входит не должно. «У міра свои пути — предоставьте людям свободно хозяйствовать. — *Le monde va de lui-même; laissez nous faire, laissez passer*». Такова хозяйственная вѣра людей эпохи. Пророки этой вѣры — Адам Смит и Іеремія Бентам — были для своего времени совсѣм не реакціонерами, а революціонерами. Адам Смит мечтал о благѣ человѣчества и о «богатствѣ народов». Іеремія Бентам ставил цѣлью управленія и хозяйствованія «наибольшее счастье наибольшаго количества людей». Неправильно поэтому думать, что хозяйственный подъем той эпохи создал homo oeconomicus, стремившійся исключительно к личной выгодѣ. Homo oeconomicus был, вмѣстѣ съ тѣм, и просто человѣком своего времени, охваченными, как и всѣ, Вольтеровой вѣрой в «общее благо» и человѣческое счастье. Без вѣры народа в его правду вообще никакой строй — ни политическій, ни хозяйственный — длительно невозможен. Разумѣется, не менѣе важно было и то, что эту вѣру оправдывала жизнь. Хозяйственная свобода и индивидуальная инициатива, дѣйствительно, творили чудеса. Правда, это происходило

не потому, что «у міра свои пути», вѣдущіе к всеобщей гармоніи, а потому, что Европа завоевывала мір и, вмѣстѣ со своей цивилизаціей и Вольтеровой вѣрой, распространяла по всему міру свои товары. Гармонія европейских интересов достигалась жертвой интересами цѣлых материков. Но люди той эпохи этого не замѣчали.

Спрашивается: возможно ли, чтобы «новый человек», рожденный Россійской революціей, — даже в том случаѣ, если за ней наступит реакція — загорѣлся той хозяйственной вѣрой, которой горѣли его прадеды больше вѣка тому назад? И что не менѣе важно: возможно ли, чтобы тѣ хозяйственныя формы, которыя создали экономическій расцвѣт Франціи в эпоху реставраціи, оказались годными для экономического возрожденія Россіи в настоящем состояніи міра и дали выход разбуженной Революціей энергіи русскаго народа? Надо всмотрѣться в лицо современнаго «новаго человека» — все равно, русскаго, нѣмца, итальянца, американца и даже француза — и в лицо міра, чтобы с увѣренностью отвѣтить, что это невозможно. Современный человек не вѣрит в «естественный порядок» ни природы, ни хозяйственной жизни. Наоборот, он видит в них «безпорядок», который надо исправить. Он зло смѣется над «гармоніей интересов». И он скептически относится к «свободной игрѣ экономических сил» и «частной инициативѣ». И что самое важное: он ненавидит тот строй, который породили эти формы хозяйствованія. Капитализм и его носители — вот зло, которое надо раздавить. В этом чувствѣ объединены «новые люди» всѣх направленій — от коммунистов и до монархистов. Вѣрит новый человек в другое: в вѣдущую волю, план, организацію, коллективную энергію, «общее дѣло». Он хочет создать хозяйственный строй, гдѣ «порядок» и «гармонія» будут достигаться не борьбою всѣх против всѣх и не свободой «дѣлать, что хочешь», а самодержавным управленіем вождя или самоуправленіем хозяйствующих коллективов, гдѣ каждый найдет себѣ труд и мѣсто по достоинству, и гдѣ всѣ вмѣстѣ будут заново перестраивать земной шар, а, может быть, и другія планеты. Такова хозяйственная вѣра новаго человека, за которую он готов отдавать свои силы, а, если надо, и жизнь. Этой вѣрой объясняется многое, что кажется диким и непонятным в

«генеральной линіи» большевиков. Этой вѣрой охвачен сейчас американскій народ, ненавидящій диктатуру и, вмѣстѣ с тѣм, слѣпо идущій за своим свободно избранным вождем. «We do our Part» — говорят американцы, принося жертвы на алтарь своей новой вѣры: «New deal». Этой вѣрой пользуются и диктаторы, управляя народами, как арміями в походѣ.

П. Михайлову кажется, что русскій народ уже переболѣлъ этой болѣзью, что, пройдя большевицкую муку, он воспитал в себѣ «недовѣріе ко всяким планам, к коллективным начинаніям, ко всему, что предполагает подчиненіе общественному руководительству». Он ссылается на человѣческій документ: «Хожденіе по Вузам» Москвина. Он ошибается: у Москвина напечатано письмо комсомольца, которое точно характеризует настроенія новаго русскаго человѣка. «Дорогой папа... — пишет комсомолец отцу. — Ты все так же недоволен жизнью, ворчишь о невозвратном, критикуешь настоящее, стремишься в прошлое. Пойми ты — конец всему. Есть проекты, значит, есть жизнь. Плоха она, знаю, но что подѣлаешь? Это неизбежно в новом столѣтїи, в новых начинаніях... Ты говоришь, нужно бѣжать от сегодняшней дѣйствительности. Но куда? Зачѣм? Предположим, нѣтъ всего этого, нѣтъ сегодняшняго дня, но что такое будет завтра? Капитализм? Реставрація? Нѣтъ, папа, этого нам не надо... Мы органически связаны с идеей будущаго социализма и слѣпо и безропотно служим ей»... Даже тогда, когда новый человѣкъ недоволен настоящим и властью и переходит в «оппозицію», он твердо помнит: «мы остаемся на коммунистических позиціях». Старая хозяйственная вѣра умерла «крѣпко». Родилась новая вѣра. Надолго ли? Во всяком случаѣ, на многія десятилѣтія, а, вѣрнѣе, на вѣка. — И так же невозможно, чтобы экономическое возрожденіе Россіи проходило в старых хозяйственных формах. От того ли, что умерла старая вѣра, одушевлявшая капиталистическій строй; от того ли, что перемѣнилось «строеніе капитала»; от того ли, что цвѣтныя матеріи возстали против Европы и закрыли пути ея свободнаго хозяйствованія; или, что болѣе вѣроятно, от всѣх этих причин вмѣстѣ, — но несомнѣнно одно: старый хозяйственный строй больше не «стоит». Относительно этого могли еще быть сомнѣнія полутора года назад, когда мы с П. Михайловым писали

наши статьи. Теперь в этом сомневаться нельзя. Капиталистический строй за эти полутора года катастрофически быстро разрушался. И так же лихорадочно быстро создавался новый хозяйственный порядок. Вот уже год, как в Америке производится грандиозный опыт Рузвельта. Почти половина мирового производства, сосредоточенная в Соединенных Штатах (40%), перестраивается на новых началах — плана, управления, «кооперации». Американский народ ведет «величайшую битву своей истории». Почему? Потому что старый хозяйственный строй грозил разрушиться до основания. Нельзя было терять ни минуты. Рузвельт может делать тысячи ошибок — американский народ все ему прощает за его мужество и решимость. Ибо он твердо знает, что на старых путях спасения нет. И то же происходит в других странах: Италии, Германии и даже, хотя и больше робко, в Англии и Франции.¹⁾ В этом логика новых хозяйственных отношений — логика не только людей, но и «вещей», а потому и логика истории. У хозяйственной жизни, действительно, есть свои «законы», хотя они и оказались не теми, какими их предполагали экономисты старой школы. Или, вернее, — у каждой эпохи — свои экономические законы. Не уйдет от этих законов и послѣбольшевицкая Россия. Разумеется, это не значит, что сохранится нетронутым большевицкой крепостной строй. Жизнь уже выработала целый ряд форм нового «планового» хозяйства: от крепостных коммунистических, через корпоративно фашистские, до форм «хозяйственного самоуправления» американской демократии. Опыт укажет еще другие формы. В этом и коренится наша надежда на раскрепощение русского народного хозяйства послѣ падения большевской власти — наша «50-лѣтка». Но какие бы при этом перемены в хозяйственном строе ни были произведены, все равно, будущее послѣбольшевицкое русское хозяйство будет хозяйством новым — «плановое», «управляемое» и, в значительной мере, «коллективизированное», а не старое, дореволюционное. Такое хозяйство вынуждена будет вести в России

---

¹⁾ В 4 странах, перестраивающих свое хозяйство на новых началах — Соединенных Штатах, Германии, Италии и России — сосредоточены 64% мирового промышленного производства.

любая власть, пришедшая на смѣну большевишкой, как бы далеко ни пошла она назад в политической области. Как вынуждены вести его власти всего міра — реакціонныя и революціонныя. — Так будет в том случаѣ, если в Россіи наступит реакція.

Но мы уже условились выше, что реакціи в Россіи еще долгіе годы не будет. Что еще долгіе годы в Россіи, как во всем мірѣ, будет продолжаться революціонный «подъем». Что еще долгіе годы Россія, как и весь мір, будут итти по линіи народнаго напряженія и коренной перестройки. Что Россіей, как и всѣм міром, будут управлять новые люди и в особенности молодежь. Что, вообще, наша эпоха героическая. Новые люди любят движеніе и борьбу. Они ненавидят тишину и бездѣйствіе. «Je suis un marcheur», — говорит Муссолини: «Мы против удобной жизни». То же могли бы сказать и всѣ новые люди. Современная бурная эпоха, которая так ужасает людей старой культуры, кажется им самой прекрасной в человѣческой исторіи. Если они бывают недовольны настоящим, то всегда во имя будущаго, а не во имя прошлаго. Если и вспоминают о прошлом, то о прошлом героическом и революціонном. И, когда они попадают в тихую заводь старой Европы, они умирают от тоски. Итти к такому поколѣнію с проповѣдью программы, рассчитанной на «покой и санаторное лѣченіе», значит совершать политическое самоубійство. Новые люди даже не будут спорить с нею — они ея просто не услышат. Потому, как это ни трудно людям старшаго поколѣнія, пережившим революцію и утомленным ею, они должны сдѣлать другое. Если они хотят сберечь вѣчныя цѣнности, заключенныя в старой культурѣ, и передать их культурѣ новой, если они хотят дѣйствительно, а не «созерцательно», бороться против «зла» за «добро», они должны пристально взглядѣться в лицо современнаго человѣка, в лицо эпохи, и найти в себѣ мужество и силы итти с ними в ногу. Ибо надо твердо помнить, что и за вѣчныя цѣнности можно бороться только в линіи, темпѣ и воздухѣ эпохи. — Отсюда проекты чертежа Новаго Града. Я сказал бы П. Михайлову, виѣшне парадоксально, но, по существу, точно: планы Новаго Града в видѣ Чикаго или Нью-Йорка, для нашей эпохи болѣе реальны, чѣм планы «захолустнаго скита». Чикаго или Нью-Йорк новые люди еще, может быть,

и построят, хотя, навѣрно, сильно изуродуют их. Но за- холустный скит обязательно откроют и разорят.

Я слышу отвѣтъ П. Михайлова: в таком случаѣ, Новому Граду, в нашу эпоху, дѣлать нечего. Какія бы цѣнности мы ни клали в его основу, он может быть построен только «на мѣртѣ». В эпоху безмѣрности и мирового безумія, в состязаніи на скорость между добром и злом, побѣдит зло. Или, как сказано в передовой статьѣ № 7 «Новаго Града»: «Злу побѣждать жизнь много легче, чѣм добру: добро закипает только при 100 градусах Цельсія; зло уже при 50». На это я возражаю с полной увѣренностью: это не так. И в нашу эпоху Новому Граду есть что дѣлать. Да наша эпоха, и вообще, не такая плохая. Разумѣется, для нас Ганди — не абсолютное добро. Но все-таки добро, особенно в сравненіи с кровавым хаосом китайской революціи. И, однако, Ганди ведет за собой 300-милліонный индускій народ. Разумѣется, не абсолютное добро для нас и Рузвельт. Но он кажется нам гением свободы в сравненіи с тираніей Сталина. И, однако, Рузвельт ведет за собой 120-милліонный американскій народ. В чем сила и Ганди, и Рузвельта? В доброй вѣрѣ, которая горит в них. Значит, и в нашу эпоху добро может бороться со злом и побѣждать его. Да иначе и быть не могло бы: это противорѣчило бы нашей собственной вѣрѣ. Что же касается вышеприведеннаго положенія о температурах кипѣнія добра и зла, то оно противорѣчит и законам духа и законам физики: добро закипает раньше зла так же, как чистая вода закипает раньше всякой смѣси. Только надо, чтобы под добром горѣл огонь.

И. Бушков.